

ВЛАСНИЙ ПОГЛЯД

УДК 94(100)«1914/1918»
ББК 63.3(0)532



О Первой мировой и не только
(интервью с российским историком А. В. Шубиным*)

Н*иколай Глибищук*: Александр Владленович, добрый день. В этом году мы все вспоминаем столетие с начала «Великой войны» (1914 - 1918 гг.). Скажите, пожалуйста, каковы достижения российской историографии в области изучения Первой мировой войны за последние годы?

* **Олександр Владленович Шубін** - російський історик, керівник Центру історії Росії, України та Білорусі Інституту загальної історії РАН (з 2007 р.), відповідальний секретар журналу Асоціації істориків країн СНД «Историческое пространство», професор Державного академічного університету гуманітарних наук і Російського державного гуманітарного університету. Автор 20 книг, понад 100 наукових і сотень публіцистичних та енциклопедичних статей.

Александр Шубин: Российская историография откликнулась на юбилей. Магазины просто завалены литературой разного качества. Не освоив пока все это множество, боюсь давать оценки. Тем более, вдруг кого-то из коллег не вспомнишь или кто-то обидится, что оценка не очень высока. Некоторые работы, в частности, в которых я участвовал – еще на подходе – типографии не справляются. Вот, только что вышел толстый энциклопедический словарь «Первая мировая война» под редакцией Е. Сергеева, в котором есть несколько моих статей. Сейчас пройдут несколько серьезных международных конференций и, наверное, их материалы будут изданы отдельными книгами. Но ведь и раньше проходили хорошие конференции на эту тему, дело ведь не в юбилеях. Вспоминаю конференцию в Черновцах в 2008 г., которая прошла на очень высоком уровне. Настоящие историки работают без оглядки на юбилей. Даже немного печально, что такая волна публикаций в этом году связана с конъюнктурой, даже неким лозунгом, который выдвинул председатель исторического общества, спикер Государственной Думы Нарышкин, о том, что это - война «неизвестная». Мол, никто не знал об этой войне, а вот сейчас исполняется юбилей, и тут мы о ней узнали. Боюсь, что это сразу придало импульс скоропалительным «первооткрывателям» Первой мировой, которым срочно нужно побольше написать к юбилею, «открыть Америку», которая уже давно открыта. Конечно, это касается не всех исследователей, а спущенной сверху конъюнктуры. У нас есть исследователи, которые всю жизнь занимаются этой проблемой, работают в архивах. Тот же Е. Сергеев, К. Шаццлло и многие другие. Нельзя сделать научное открытие к какому-то юбилею. Ты находишь интересные документы в архивах, потом публикуешь их, пишешь статьи, и когда уже собирается солидная база источников, пишешь свою монографию. До них так делали советские ученые, которые тоже очень много нам сообщили об этой войне. Тоже самое можно сказать и о зарубежных исследователях в этой области. Вот сейчас я общался на конференции в Китае с германским коллегой Леонардом, который выпустил толстенную книгу о Первой мировой войне, где он исследует жизнь немецкого общества, немецкий тыл в период 1914 - 1918 гг. Основ-

ные факты об этой войне мы знаем еще из советского курса истории. Это не значит, что я приуменьшаю заслуги современных историков – наше знание нужно углублять, расширять и переосмысливать, не оглядываясь на юбилеи.

Мы знали, что это был великий подвиг людей. Мы знали, что характер войны, и я продолжаю утверждать это и сейчас, был империалистический для большинства государств, в том числе и для России, то есть захватнический.

Конечно, есть вопросы, которые будут ещё очень долго дискутироваться историками: о причинах и характере этой войны, о целях, которые преследовала каждая из стран-участниц мирового конфликта, и многое другое. Мы с вами знаем, что Сербия была жертвой агрессии со стороны Австро-Венгрии. Но с другой стороны, задачи войны со стороны Сербии вышли далеко за пределы границ того государства, которое существовало до 1914 г. Все эти вопросы будут обсуждаться вечно. Нужно спокойно отнестись к этой дате, пережить и дальше исследовать то, что мы исследовали всегда.

Тематика моих исследований относится к финалу Первой мировой войны. Это кризис Российской империи, начало Великой Российской революции, Брестский мир 1918 г. О 1917 годе у меня выйдет книга, надеюсь, - не юбилейная. Там я анализирую проблему – выдерживала Российская империя нагрузку Первой мировой или не выдерживала? Россия сумела справиться с задачами обеспечения армии, но в результате этого так подорвала тыл, что случилась революция. Конечно, это была не единственная причина, их было несколько. Были важные внутренние причины революции, оставшиеся в наследство ещё с 1905 года.

Есть мнение апологетов империи Романовых, что если б не революция, то российская армия закидала немцев не валенками, а боевыми снарядами, и выиграла бы войну в 1917 году. Но российская армия так и не научилась прорывать немецкие оборонительные линии ни в 1915, ни в 1916, ни в 1917 году. Наступать мы умели против австрийцев. В ходе первого наступления на Галицию российская армия взяла Львов. А Брусиловский прорыв, который мы учили в школе (не нужно говорить, что раньше никто не изучал наступление 1916 г.), кото-

рый сегодня часто упоминается в связи с юбилеем, привёл куда к более скромным успехам. И вот сегодня такие историки, как П. Мультигули, говорят о том, что у Российской империи заговорщики украли победу, потому что в 1917 г. она бы уж точно взяла бы Львов. Не знаю, взяла бы российская армия Львов, но если и взяла, то это бы никак не привело к победному завершению войны. Потому, что Львов уже брали, но выяснилось, что за Львовом есть еще Карпаты, и до Вены ещё далеко.

Поэтому, никто никакую победу не украл. Россия не выдержала этой войны.

Важнейший фактор победы Антанты – это вступление в войну Соединенных Штатов Америки. И этому вступлению очень способствовал тот факт, что им удобней было вступать в блок с демократической Россией. Американская политическая культура сопротивлялась союзу с деспотическим самодержавием. И, может быть, Февральская революция способствовала, как одна из причин, скорейшему вступлению США в войну и финальной победе Антанты. Но сама Россия от участия США ничего не выиграла. Надежды П. Милюкова, лидера партии кадетов, который мечтал, что российское государство сумеет завладеть Константинополем, так и не оправдались. Да и российское общество уже не видело в этом резона.

Н. Г.: Александр Владленович, появилось что-нибудь новое в трактовке происхождения Первой мировой или всё таки исследователи придерживаются старых концепций?

А. Ш.: Новое в трактовке любых вопросов отечественной истории появилось в 1991 г. Если до этого можно было писать что-то новое и оригинальное в самиздате, то с 1991 г. можно было уже печатать в типографии. Поэтому, я думаю, 2014 год ничего принципиально нового не принёс. Российское общество, и в том числе историки, расколото идеологически. Одни считают, что, повторю, война 1914 - 1918 гг., по сути, имела империалистический характер, была результатом столкновения захватнических интересов. Спорным вопросом, на мой взгляд, может являться характер войны для Сербии и Бельгии. Но, учитывая, что Бельгия - это колониальная держава, империалистические интересы у неё тоже были. Если говорить о Сербии, то я склоняюсь к тому, что здесь можно говорить не

об империалистических интересах, а о нациестроительстве. Это уже другое явление. Скажем, Османскую империю нациестроительство погубило. В конце войны турецкая армия шла не навстречу англичанам, которые захватывали её территорию на юге, а, мотивированные пантюркистской идеей, в сторону Баку. Говорят, они хотели захватить нефть, но турки её теряли в Мосуле. Лидеры Османской империи хотели объединить тюрков, даже если придется пожертвовать арабскими провинциями. Нациестроительство не лучше империализма. И я здесь не осуждаю и не одобряю. Это вопрос характера явлений.

Но для больших держав, конечно, это была борьба за мировое и региональное господство. И стало ясно, что Россия, стремясь быть покровителем славянства и хозяйкой проливов, выбрала себе задачу не по плечу, не по социально-политической системе. При всех модернизационных процессах конца XIX - начала XX в. Россия оставалась отстающим обществом, и с нагрузкой Первой мировой не справилась.

Возвращаясь к причинам. Есть авторы, которые трактуют всё совсем иначе. Но был же всё таки этот злодей Вильгельм II. Персоналистский фактор сегодня в моде. Особенно, когда нужно оттенить святость Николая II, его миротворчество, и агрессивность тевтонского духа немецкого кайзера. Согласимся, что это тоже не ново. Это было уже тогда. Но так сейчас тоже можно думать.

Между двумя крайностями – персонализмом и объективистским фатализмом – есть множество других вариантов. Но чем хороша наука? Разбирая детали, мы, при всех наших идеологических разногласиях, выходим на одну площадку. И как бы не относился автор к Вильгельму II и Николаю II, мне интересны детали. Захватывающие доклады были на одной из первых конференций о Первой мировой, которая проходила под эгидой российско-австрийской комиссии в РГГУ, о первых шагах к войне, о дипломатической игре. Вероятно, сейчас эти доклады будут опубликованы в сборнике конференции. Очень важно выяснить, почему руководители народов не смогли остановиться у края войны.

Есть тектонические плиты истории, но очень много в развитии исторических процессов зависит от людей, оказавшихся в решающем месте в решающий момент. Это

сейчас нам тоже важно постоянно помнить, когда наблюдаем то, что происходит на Украине, в России, на Ближнем Востоке.

Да, Николай II выглядит по-человечески более симпатичным, чем Вильгельм II. Но здесь обычно ставят троеточие, а я всё таки продолжу, что логика развития Российской империи, государства, российских элит потребовали этой войны. Это не снимает ответственности с императора и его окружения, даже если они мотивировали свои шаги благородными предложениями.

Н. Г.: Александр Владленович, вопрос вдогонку. Цели России в Первой мировой войне всё таки были захватническими?

А. Ш.: Россия преследовала захватнические цели в войне, и это очевидно вытекают из так называемых секретных договоров. Они были секретными, пока большевики их не опубликовали в 1917 г. Ставились задачи объединения Польши под эгидой Российского государства (поляков никто не спрашивал), раздела не только Османской империи, но и самой Турции, превращения Черного моря в российское озеро. Референдумов, даже с «зелеными человечками», для этого не предполагалось. Конечно, цели России в войне 1914 - 1918 гг. были захватническими. Защита Сербии от агрессии была неким поводом. И в этом человеческая трагедия. Не была бы повода, то война бы перенеслась на несколько лет вперед. Может, все бы пошло не так, как в 1914 году.

Н. Г.: Сейчас уже стала всеобщим достоянием точка зрения, что не было никаких мировых войн, а была только одна с 1914 по 1945 год, и было перемирие с 1918 по 1939 г. Что вы можете сказать по этому поводу?

А. Ш.: Или ещё иногда говорят о гражданской войне в Европе в этот период.

Н. Г.: Да, у Е. Нольте есть работа с таким названием.

А. Ш.: Нет, я не сторонник этого подхода. Он какой-то не исторический, а публицистический. Здесь происходит неаккуратное обобщение. В 1925 году мировая война не шла. И это не было перемирие в войне, решавшей один и тот же вопрос, как, например, во время Столетней войны. У Первой и Второй мировых войн были разные причины, разная расстановка сил.

Да, Германия снова оказалась в центре конфликта, но мировой контекст уже был совершенно другим, идеологическим. Столкнулись идеи, принципиально разные миропроекты.

В 1919 году мир был заключен. Те, кто его не признали сразу (Россия, Венгрия, Турция), признали несколько позднее. В 1925 г. Германия, как бы не относиться к её прошлому и будущим настроениям, признала свои границы. СССР в 1934 г. претендовал на роль их гаранта, когда ситуация в Германии принципиально изменилась – появился проект не просто ревизии Версаля, а мирового господства. Я сторонник твердого инструментария, четких определений. В 1925 г. мировой войны не было, она нигде не шла.

Другой вопрос, что не очень ясно, когда началась Вторая мировая война. Она очень постепенно начиналась. Когда мы называем дату начала – 1939 год, наши китайские коллеги нас поправляют, потому что составляющей Второй мировой являлась война в Азии. Она началась в 1937 г. А тогда ещё одновременно шла гражданская война в Испании. То есть, мы можем говорить, что процесс втягивания во Вторую мировую войну начинается после «Великой депрессии» (мирового экономического кризиса 1929 - 1933 гг.). И это важнейшее отличие от 1914 г., когда был предел роста социально-экономической системы, которая поделила весь мир. В 1929 г. начался глубокий кризис, предопределивший конвульсивные поиски выхода из положения, появление нацизма и рузвельтовской модели, рост влияния фашизма, коммунизма. И вот отсюда такое масштабное и трагическое столкновение в первой половине 1940-х годов.

Вторая мировая война – это следствие 1929 года. Но она стала воистину мировой, а не европейской или азиатской, когда соединились два очага войны, когда в неё вступили СССР и США, в 1941 г.

Н. Г.: Александр Владленович, хочу Вам задать такой вопрос. Совсем недавно шло активное обсуждение концепции единого учебника российской истории. И большинство историков согласились, что события Февральской и Октябрьской революции, Гражданской войны нужно объединить в единое концептуальное понятие «Великой российской революции» (1917 - 1922 гг.). Что вы думаете по этому поводу?

А. Ш.: Я могу признаться, что я на этом и настаивал. Можно сказать, что это – продукт моего «лоббизма» (хотя с датой окончания революции в этом документе остались неясности). Дело в том, что я очень давно отстаиваю эту точку зрения, с 1990-х гг., приводя методологическую аналогию с Великой французской революцией как процессом, который складывался из нескольких периодов, переворотов, гражданской войны. И совершенно очевидно, что у нас революция шла не только в феврале и октябре 1917 г., но и в июне 1917 г. Опять важен жесткий инструментарий. В 1925 году мировой войны нет, а в июне 1917 года революция в России есть. Современники её так и воспринимали. Также очевидно, что октябрём 1917 г. революция никак не закончилась.

Я рассматриваю революцию как процесс преодоления социально-экономической системы другой социальной системой через взламывание существующей легитимности. Началось взламывание – началась революция, закончилось взламывание – закончилась революция. Это не единичный акт, «обрушение власти», как считал, например, В. Миллер. Тогда у нас в 1905 г. не получится революции. Это не обязательно кардинальный переворот в сфере собственности, тогда английская революция XVII в. - не революция. Это именно ломка системы. Революция – не «локомотив истории», как писал Маркс. Она сразу не переводит общество в новое состояние. Революция – это таран истории.

Великая российская революция началась в феврале 1917 г. Она закончилась созданием новой системной легитимности, когда «лава» застыла в «гранитных формах» в 1922 году. С моей точки зрения дата окончания революции - 30 декабря 1922 г. Дальше начинается история СССР. Именно переход от Российской империи к Советскому Союзу и есть революция.

Коллеги согласились с этой точкой зрения. Я очень рад, что этот подход закрепился. Теперь это понятно, это внутренне логично. Великая российская революция (1917-1922 гг.) имеет свои этапы, свои потоки. То, что в Украине называют Украинской революцией, - один из потоков общероссийской революции, когда страна ещё не разделилась. Также, как события в Туркестане, борьба с басмачеством.

Я здесь хочу подчеркнуть разность национальных проявлений, специфические особенности революции на разных территориях бывшей Российской империи.

Кстати, таким образом мы можем понять, что и перестройка (1986 - 1991 гг.) была связана с революцией. Правда, даты революции не совпадают с датами Перестройки. Она началась, когда в процесс были вовлечены широкие массы (1988 - 1989 гг.), а закончилась уже после распада СССР, когда в республиках оформились новые социальные системы (в России – в конце 1993 г.).

Н. Г.: В одной из своих книг, а именно «Махно и его время», вы пишете о том, что если бы в Гражданской войне в России победило Белое движение, то новый политический режим был бы авторитарным и с неким «коричневым оттенком». Но часть российских историков считает, что победа белых привела бы к созданию более либеральной политической системы.

А. Ш.: Я опираюсь на опыт 30-х гг. XX в. Существовало одно государство в Европе, которое избежало национал-авторитаризма – Чехословакия (кстати, интересно, что именно чехословацкий корпус поддерживал левых противников большевиков в России в 1918 г.). Там тоже были свои проявления авторитарности, но всё таки она не ушла за пределы того, что принято называть демократией, а я называю плюралистическим государством. Все остальные по собственному желанию или не по собственной воле шли по пути национал-авторитаризма. Правые, «белые» движения к этому приводят. И я не вижу никаких оснований считать, что в случае победы белых в России было бы иначе. Мяч на стороне моих оппонентов, и они должны аргументировать свою точку зрения. Для большой, разрушенной, среднеразвитой, периферийной страны, есть другие варианты? Либо национал-авторитаризм, либо модель Чехословакии. Но для этого нужно, чтобы в Гражданской войне победили эсеры, а не Белое движение. Либо тогда смотреть на аналогии с Китаем, но там в 1920-е гг. тоже победили «эсеры». Когда я читал лекции китайским коллегам, меня переводили, и я услышал, что когда я говорю «эсеры», то переводчик говорит «Гоминдан». Поэтому, я не вижу для России демократической альтернативы в случае победы белых.

Если бы победило Учредительное Собрание, то можно было бы искать какие-то пути между большевизмом, эсерами и правым авторитаризмом. Но эсеры проиграли. Разгон Учредительного собрания стал еще одним шагом к широкомасштабной гражданской войне, которая сама по себе стала причиной роста долгосрочной авторитарности.

Не случайно в Испании франкисты считались аналогом белых. В то же время Франко не скрывал своей идейной близости к Муссолини. Ну, а это уж точно фашизм.

Н. Г.: Александр Владленович, хотел бы задать вопрос о махновском движении. В книге одного российского историка «Крестьянская война в России: от махновщины до антоновщины (1917 - 1922 гг.)», которая вышла в 2012 г., автор утверждает, что никакого идейного подтекста в этом выступлении крестьян не было, а только была реакция на политику Советской власти.

А. Ш.: Я не хочу обидеть автора, но надо книжки читать, прежде чем свои выпускать. Всё таки уже очень много опубликовано, и мной в том числе, огромная масса документов, включая резолюции крестьянских съездов. Это же не только Махно, который тоже имел свою политическую платформу. Это были съезды, на которые крестьяне направляли своих представителей. Предлагалось немало конструктивных идей. Разумеется, была и реакция крестьян на политику большевиков, но не слепой протест. У крестьянской массы был выбор, и этот выбор имел именно идеологический характер. Нельзя от крестьян требовать четкой и досконально продуманной политической программы. Она даже у Махно не была совершенной. Люди были без подготовки и без университетского образования. Но отрицать наличие у них идеалов, конкретных политических лозунгов, наличие структур самоуправления и демократии нельзя.

Н. Г.: Вы затронули вопрос о идейной платформе Нестора Махно. Скажите, пожалуйста, всё таки концепция социально-экономического развития страны у него была?

А. Ш.: Конечно. Другое дело, что она развивалась. Махно считал себя анархистом бакунинско-кропоткинско-го толка. Что это значит? Различие этих течений анархизма – не важны. Всё равно пока можно решать только задачи приступа к созда-

нию нового общества. Анархизм – это общество самоуправления. Это вполне совпадает с тем, что он делал. Он не анархоиндивидуалист, анархия ради анархии, не кидается бомбами во всех вокруг. Нужно работать над выстраиванием определённых социальных и экономических структур, и наступать на капитализм с этих позиций. Это он делал в 1917 г. у себя в районе, будучи даже не военным руководителем, а советским. Он идёт в профсоюзы, развивает их, берёт под их контроль предприятия. Это синдикалистская модель, и она вполне соответствует теории. Да, конечно, теория в этот момент была, на мой взгляд, не самая сильная у анархизма, сохранялось увлечение абстрактным коммунизмом. Поэтому анархисты сначала проглядели большевизм как угрозу своему проекту. Потом Махно очень удивлялся, как коммунисты могут так странно себя вести? Коммунисты – это же как мы. Но при всей этой наивности Махно, которую нельзя отрицать (хотя она извинительна фактами его биографии), мы не можем отрицать отсутствие идеологии, которая реализовывалась на практике.

Но дело не только в Махно, но и том, что эти идеи были очень популярны, и они поддерживались не только рядовыми активистами, но большей частью населения. Они соответствовали протесту, который вызывали действия белых и красных. Возникла альтернативная система самоорганизации. Махно надеялся, что эта система «вольных советов» расширится на весь мир. Одну из речей Махно в момент его неудач, летом 1919 г., слушал некий Кудло, который вскоре попал к красным, и пересказал речь Махно – так она попала в архив. Махно (в пересказе Кудло) говорил, что когда мы завоюем Турцию, у нас будет хлопок, когда мы завоюем Москву, у нас будут предприятия, которые его будут перерабатывать, когда завоюем Баку, у нас будет нефть для этих предприятий. Но не нужно думать, что Махно хочет со своим небольшим в тот момент отрядом завоевать такую большую территорию. Нет, конечно. Речь идёт о мировой революции. Мы – это мы все, трудящиеся. Когда революция трудящихся охватит Турцию, Москву и Баку, а потом весь мир, то тогда все заводы будут работать на благо рабочих, обмениваться продукцией друг с другом. В эмиграции Махно совершенствовал свои взгляды, обдумывал опыт

гражданской войны. Он даже в ходе боевых действий работал над программами движения вместе с П. Аршиновым, В. Волиным и другими сподвижниками. С Аршиновым они выдвинули платформу для анархистов в эмиграции, и она серьёзно обсуждалась теоретиками и активистами многих стран. Эти программы носят синдикалистский характер. Махно можно характеризовать как умеренного анархиста по целям и радикального по средствам.

Хотя нужно сказать, что в махновском движении было не только анархистское течение, были и другие. Участвовали коммунисты, левые эсеры, люди без чёткой программы.

Н. Г.: Александр Владленович, все-таки можно говорить, что махновское движение была альтернативой большевикам и Белому движению?

А. Ш.: Не только махновское движение. Альтернативой большевикам и Белому движению (в смысле – военным диктатурам белых), был демократический социализм и анархизм вместе. Но не будем забывать, что ведь и большевики были очень разнообразны, и весь советский лагерь. Вспомним дискуссию на X съезде РКП(б). Там проявились стратегически разные точки зрения лидеров большевистской партии на перспективы развития страны после Гражданской войны. Разнообразным было и Белое движение. Тоже самое можно сказать и о «третьей силе» - социалистах-демократах и анархистах. И эсеры, и левые эсеры, и анархисты, при всех своих различиях, выступали за самоуправление, федерализм, против левых и правых диктатур. Трагедия этой силы заключается в том, что она упустила свои шансы, не консолидировалась, оказалась недостаточно деловитой в этой обстановке. Ведь в Гражданской войне уже не идеи диктовали повестку дня, а военная сила.

Лево-демократическая альтернатива имела хорошие шансы на победу в 1917 г., но они были упущены.

Что касается махновского движения, то звёздный час Махно наступал два раза. Первый - в 1919 г., во время союза с большевиками, когда в тылу у белых существовал значительный самостоятельный район со своими порядками в Александровском уезде и даже шире – вплоть до Азовского моря и Екатеринослава.

Многое зависело от большевиков, если бы они пошли на какой-то эксперимент на Украине, о чём велись переговоры. Это могло, так или иначе, очень серьёзно повлиять на общую советскую модель, если бы не болезненный разрыв, который наступил по вине большевиков в июне 1919 г. Конечно, я не идеализирую Махно, он сам не ангел, но военно-политический разрыв с махновцами всегда происходил по инициативе большевистской партии.

Второй звёздный момент наступил в 1921 г., когда большевистский режим оказался в состоянии острого кризиса. Тогда вся страна была охвачена крестьянскими восстаниями, и Ленин очень серьёзно отнесся к угрозе восстаний под левыми лозунгами, особенно после Кронштадта. И Махно был частью этого процесса. Если бы «третья революция» 1921 года закончилась каким-то компромиссом, мирным соглашением, если бы решительнее были силы внутри партии большевиков, которые выступали за неавторитарный путь развития после Гражданской войны, то мы бы получили очень интересную модель, напоминающую Испанскую республику 1936 - 1937 гг. - сочетание разных социалистических сил. Анархизм в событиях 1917 - 1922 гг. в России, и в Испанской революции 1931 - 1939 гг. - звенья одной цепи. Я бы даже сказал - упущенный шанс XX века.

Наверное, это закономерно, что антиавторитарная левая альтернатива не реализовалась. Ведь мир двигался к эпохе индустриализма с его жёсткими структурами. Это было веянье времени. И такие движения как Махно, анархисты в Испании или Мексике были обречены, наверно. Но они повлияли на историю XX века, если воспринимать её как некую неоконченную историю.

Производственное самоуправление использовалось и на многих фирмах в западном мире. Идеи и практика производственного самоуправления, опробованные на махновской территории и в революционной Испании, затем прорастали в Югославии. Прежде чем эта страна развалилась по политическим причинам, модель самоуправления помогла провести индустриализацию в стране быстро и без голода. А это дорогого стоит.

Югославский лидер Тито знал об испанском опыте, испанцы знали о махновском опыте. Махно был в переписке с испанскими анархо-синдикалистскими лидерами. Авторитет Махно как практика идей свободы – это уже вечный образ, который влияет на сознание людей. Хотя практика самоуправления, федерализма уже будет иной, связанной с сетевыми структурами пост-индустриального общества, опыт и исторические образы продолжают сохранять свое значение.

Когда рассеется дым от сегодняшних безумных межнациональных конфликтов, которые нас отбрасывают в 30-е годы, снова вернется «золотой век социализма». Нынешнее технологии, возможности социального моделирования, Интернет-культура и другие факторы адекватны тем идеям, которые в XX веке не получили «базиса» для своего осуществления. Они родились раньше своего времени. Их сторонники сражались за эти идеалы, формируя ранние, ещё несовершенные контуры будущего. Сейчас наступает время, когда можно реализовывать свои идеалы, не хватаясь за автомат. Схватился за автомат - дискредитируешь идеалы. А без автомата можно многого добиться.

Н. Г.: Александр Владленович, спасибо Вам за интересное интервью.

А. Ш.: Пожалуйста.

Интервью взял Николай Глибищук (03.09.2014 г.)

Надійшла до редколегії 19.09.2014 р.